

Деформация правосознания, правовой культуры и адаптивное поведение в правовой жизни: о критериях разграничения в контексте диалектики интересов

Владислав Юрьевич Панченко¹, Лариса Анатольевна Петручак²,

¹ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0003-3303-2941>

panchenkovlad@mail.ru

² Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Доктор юридических наук, профессор

lar-petruchak@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема критериев нормальности (адекватности) правосознания и правовой культуры в контексте диалектического взаимодействия общесоциальных, групповых и индивидуальных интересов и в условиях правовой жизни, способствующей и препятствующей их согласованной реализации. Обосновано, что формальным индикатором нормальности правового поведения выступает строгое соответствие действий индивида или группы действующему позитивному праву конкретного государства. В качестве содержательного критерия предлагается эмпирически верифицируемый показатель устойчивого улучшения благосостояния трудящихся лиц. Особое внимание уделяется проявлению феномена правового отчуждения – правовой апатии как социально обусловленной стратегии осознанного конформизма при внутреннем неприятии правовых норм. На конкретных исторических и современных примерах демонстрируется, что такая адаптационная модель в условиях аномальной правовой жизни может являться проявлением

рациональной нормы правового сознания и правовой культуры, а не их деформацией.

Ключевые слова: правосознание, правовая культура, правовой нигилизм, правовой идеализм, диалектика интересов, адаптация, правовая апатия.

Для цитирования: Панченко В.Ю. Деформация правосознания, правовой культуры и адаптивное поведение в правовой жизни: о критериях разграничения в контексте диалектики интересов / В.Ю. Панченко, Л.А. Петручак // IP: теория и практика. 2025. № 4 (12).

Original article

**Deformation of legal consciousness, legal culture and adaptive behavior
in legal life: on the criteria of distinction in the context of the dialectic of
interests**

Vladislav Yu. Panchenko¹, Larisa A. Petruchak²,

¹ All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Doctor of Law, Professor

<https://orcid.org/0000-0003-3303-2941>

panchenkovlad@mail.ru

² Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Doctor of Law, Professor

lar-petruchak@yandex.ru

Abstract. The article considers the problem of criteria of normality (adequacy) of legal consciousness and legal culture in the context of dialectical interaction of general social, group and individual interests and in the conditions of legal life, promoting and hindering their coordinated implementation. It is substantiated that the formal indicator of the normality of legal behavior is strict compliance of the actions of an individual or group with the current positive law of a particular state. An empirically verified indicator of sustainable improvement of the well-being of workers is proposed as a substantive criterion. Particular attention is paid to the manifestation of the phenomenon of legal alienation - legal

apathy as a socially conditioned strategy of conscious conformism with internal rejection of legal norms. Specific historical and modern examples demonstrate that such an adaptation model in the conditions of abnormal legal life can be a manifestation of the rational norm of legal consciousness and legal culture, and not their deformation.

Keywords: legal consciousness, legal culture, legal nihilism, legal idealism, dialectic of interests, adaptation, legal apathy.

For citation: Panchenko V.Yu., Petruchak L.A. Deformation of legal consciousness, legal culture and adaptive behavior in legal life: on criteria of distinction in the context of the dialectic of interests // IP: theory and practice. 2025. No. 4 (12).

Введение

Если деформации правового сознания и правовой культуры (правовому нигилизму и идеализму и множеству их разновидностей) посвящено значительное число серьезных научных разработок в теории государства и права, то гораздо меньше внимания обращается исследователями на адекватные состояния правового сознания и правовой культуры, отграничение которых от патологий (деформаций) требует четких критериев (границ) для оценки конкретных деяний (действий либо бездействия) индивида, группы или общества в целом.

Деяния, выходящие за пределы дозволенного действующим в конкретном государстве правом, однозначно свидетельствуют о деформации правосознания и правовой культуры (нарушение либо неиспользование юридических правил – нигилизм, подмена реальных правовых механизмов абстрактными недостижимыми идеалами, либо непринятие никаких действий в рамках права для воплощения достижимых целей, ожидание торжества справедливости «само собой» – правовой идеализм, столь же оторванный от юридических способов удовлетворения интересов), но только с точки зрения общего (социального или общегосударственного) интереса и масштаба рассмотрения. С позиций индивида или группы внутри государства как целостности, разработка такого критерия нормы и деформации намного сложнее, в силу диалектики взаимодействия общесоциального (в масштабах

государства в целом, общего), группового (социальной группы внутри государственно организованного общества, особенного) и индивидуального (в масштабе отдельного человека, отдельного, единичного) интересов, которое описано еще Г.В.Ф. Гегелем: «Ни всеобщее не обладает значимостью и не может быть совершенно без особенного интереса, знания и воления, ни индивиды не живут только для особенного интереса в качестве частных лиц, но волят вместе с тем во всеобщем и для него и действуют, осознавая эту цель. Необычайная сила и глубина принципа современного государства состоит в том, что оно предоставляет принципу субъективности достигнуть полного завершения в качестве самостоятельной крайности личной особенности и одновременно возвращает его в субстанциальное единство и таким образом сохраняет его в самом этом принципе» [1]. Не случайно «персоноцентризм» и «системоцентризм» рассматриваются как два универсальных качества, дающие определенную характеристику любой социальной системе [2].

Методы

Методологическую основу исследования составляет диалектический подход, позволяющий анализировать правовые явления через призму взаимодействия и противоречия различных уровней интересов (общесоциального, группового, индивидуального), что соответствует гегелевской традиции понимания развития правовой реальности как процесса разрешения противоречий между всеобщим и особенным. В качестве конкретных методов познания использованы: сравнительно-правовой анализ, обеспечивающий сопоставление формальных критериев адекватности поведения в различных правовых системах; социологические приемы по выявлению связи между правовыми установками и реальными социальными практиками; структурно-функциональный подход, позволивший рассмотреть правовое отчуждение как адаптивный механизм в условиях дисфункций правовых систем, а также метод историко-правовой реконструкции,

продемонстрировавшей на конкретных примерах устойчивость выявленных закономерностей.

Основное исследование

Нормальность (адекватность) правосознания, достаточный уровень правовой культуры проявляются в активном и компетентном использовании правовых средств для реализации своих интересов строго в рамках, установленных действующим правом, что предполагает знание своих прав и обязанностей, готовность к правовой активности через установленные законом процедуры и каналы, а также соответствие самих интересов основам правопорядка, когда «при формировании правовой культуры учитываются интересы личности, находящиеся в гармонии со всеобщими интересами и служат им своим же удовлетворением» [2]. Переходя к анализу конкретных проявлений, следует начать с иллюстраций. Предприниматель, регистрирующий бизнес в установленном порядке, уплачивая налоги с использованием законной оптимизации, заключая трудовые договоры с работниками, удовлетворяя законные требования потребителей и разрешая споры с партнерами в судебном порядке и т.д., демонстрирует адекватное правосознание и достаточный уровень правовой культуры, поскольку использует имеющиеся правовые инструменты для получения прибыли, не нарушая закон. Гражданин, чьи жилищные права нарушены, подающий иск в суд, собирающий доказательства и добивающийся решения в рамках процессуального права, действует адекватно. В противоположность этому гражданин, который в аналогичной ситуации прибегает к самосуду, мести или призывает к незаконным акциям протеста, проявляет правовой нигилизм. Политическая партия или общественное движение, добивающиеся своих целей через участие в выборах, лоббирование законопроектов в парламенте, организацию митингов с предварительным уведомлением властей в соответствии с законодательством о собраниях, демонстрируют адекватное правосознание и правовую культуру. Движение, призывающее к

насильственному свержению власти, блокированию дорог или зданий, игнорирующее избирательные процедуры и т.п., проявляет правовой нигилизм.

На общесоциальном уровне, в масштабе государства в целом единственным объективно измеримым критерием разграничения адекватного и деформированного правового сознания, и правовой культуры выступает соответствие или противоречие праву этого государства. Иного четкого индикатора нет. Однако ограниченные возможности такого формального критерия очевидны, ибо само право может отставать от общественного развития, реальных потребностей как индивидов, так и общества, и государства, оцениваться как несправедливое, неэффективное, репрессивное и т.п. Следование предписаниям такого права может приводить к серьезным негативным социальным последствиям, делая правовое регулирование социально и государственно вредным, препятствующим сохранению и прогрессу конкретного государства.

Конкретизируя данное положение, можно привести массу типичных примеров. Чрезмерно обременительные регуляторные барьеры для малого и среднего бизнеса (бесчисленные согласования, лицензии, разрешения, дорогостоящие и длительные процедуры, соблюдаемые предпринимателями под угрозой штрафов или закрытия, отвлекают огромные ресурсы от развития бизнеса, инноваций и создания рабочих мест, тем самым тормозя экономический рост при внешнем соблюдении правовых норм); устаревшие технические регламенты и стандарты (в том числе лоббируемые производителями устаревшего оборудования или технологий) могут нормативно закреплять необходимость использования неэффективных, дорогих или экологически вредных решений, блокируя внедрение современных прогрессивных альтернативных технологий), законы, запрещающие или чрезмерно жестко ограничивающие новые научные разработки и их внедрение (биотехнологии, геновая инженерия, искусственный интеллект и пр.) сдерживают научно-технический прогресс. В

таких ситуациях проблема не в деформациях правосознания и правовой культуры, а в деформации, отсталости или порочности самого позитивного права, его несоответствии объективным потребностям общественного развития, а в конечном счете интересам людей и государства в целом.

В ситуации, когда позитивное право объективно препятствует общественному прогрессу, коренным долговременным интересам большинства граждан и государства в целом, но при этом формально реализуется государственными органами и соблюдается большинством членов общества – необходимо признать отсутствие массового правового нигилизма как отрицания или игнорирования права. И, напротив, отрицание, обход, правонарушения в условиях такого права следует квалифицировать как правовой нигилизм, отражающий противоречие, которое в соответствии с диалектическим законом «отрицания отрицания» должно разрешаться изменением правового регулирования или трансформацией государства. Такой правовой нигилизм – важный сигнал обратной связи для государства, за которым нельзя не признавать положительного значения.

Возникает закономерный вопрос: возможен ли содержательный общий критерий оценки и права, и отношения к нему? На протяжении тысячелетий лучшие умы человечества ищут ответ на этот вопрос, однако следует признать, что он находится за рамками предмета юриспруденции и может быть решен только с привлечением знаний из смежных наук.

Единственным эмпирически проверяемым критерием оценки как права, так и отношения людей к праву, представляется улучшение реального благосостояния людей, которые заняты трудом. Поскольку и право, и его реализация не являются самоцелями, а выступают как инструменты организации общественной жизни и управления со стороны государства, их конечное предназначение заключается в совершенствовании условий для улучшения жизни людей. Улучшение благосостояния должно пониматься комплексно, включая безопасность, свободу распоряжения способностями при наличии реальных социальных возможностей для личностного и

профессионального развития, достойный уровень реальных доходов от своего труда, качества и доступности образования и здравоохранения, условий проживания и доступности жилья, состояния окружающей среды, уровень социальной защищенности и социальных гарантий (но только и исключительно для реально нуждающихся, но не для трудоспособных бездельников во избежание социального паразитизма) и т.д.

Выделение благосостояния людей труда, производящих материальные и нематериальные блага, в качестве критерия объясняется их фундаментальной ролью как основной экономической силы общества и государства. Право, которое не способствует устойчивому улучшению положения трудящегося населения, подрывает экономические основы в долгосрочной перспективе. Благосостояние общества в целом подразумевает также уровень социальной сплоченности и доверия, при сохранении социального и экономического неравенства, пропорциональных способностям и интенсивности труда, как стимула к саморазвитию. Ключевое преимущество такого критерия – его измеримость через объективные показатели, включая статистические – динамика реальных доходов населения, уровень бедности, средняя продолжительность здоровой жизни, доступность ключевых социальных благ, показатели состояния окружающей среды, уровень преступности и индекс человеческого развития и другие конкретные, верифицируемые индикаторы того, способствует ли право благу человека и общества или препятствует ему.

Последняя ситуация препятствования вызывает к жизни различные адаптационные стратегии, рассматривая которые, следует подчеркнуть, что нормальная (адекватная) правовая культура в условиях искаженных правовых реальностей может проявляться не только в активном использовании права, но и в обеспечении комфортного, или, точнее, терпимого, существования человека. Это форма адаптации к складывающимся в различных государствах правопорядкам, независимо от личного желания людей их видеть иными и от их реальных возможностей

такие порядки изменить. Так, высокая степень политической осведомленности и критического понимания недостатков правовой системы зачастую ведет не к активному преобразованию, а к глубокому правовому отчуждению, правовой апатии, проявляющихся внешне в правовой пассивности – поведении, которое характеризуется «уклонением индивида (групп людей) от участия в правовой жизни общества, в бездействии при защите как собственного, так и чужого интереса», при этом «правовая пассивность обладателя субъективного права законом допускается, хотя и не поощряется», а «пассивность обязанного лица сопряжена с нарушением требований правовых норм или требований, вытекающих из договора (в обязательственных отношениях)» [3], представляя собой правонарушение как проявление правового нигилизма. Гражданин, осознающий несоответствие действующих позитивных норм естественным материальным и духовным потребностям людей, прежде всего своим собственным, вынужденно выбирает стратегию апатии в правовой жизни при внешнем конформизме. Такая стратегия является формой рационального самосохранения, позволяющей сберечь относительный психологический и моральный комфорт в условиях, где активное сопротивление или попытки немедленных изменений воспринимаются как бессмысленные или сопряжены с неприемлемыми рисками.

Во-первых, рациональность правовой апатии заключается в оценке соотношения риска и пользы. Индивид, осознающий несправедливость закона, но понимающий огромную мощь и репрессивный аппарат государства, стоящего за ним, делает прагматичный расчет. Риски открытого протеста, несанкционированных действий или даже публичной критики в авторитарных или несовершенных демократиях могут быть катастрофически высоки – потеря работы, уголовное преследование, административные аресты, физическое насилие, социальная изоляция, разрушение семьи и т.д. Широко известны примеры антифашистов в фашистской Италии, нацистской Германии, героизм и жертвенность которых бесспорны. Однако многие

несогласные не верили в потенциальную пользу от индивидуальных актов сопротивления для масштабов всей системы и предпочитали «внутреннюю эмиграцию», молчаливое неприятие при внешнем соблюдении формальных правил. Выживание и сохранение минимального личного пространства для них становилось высшим благом, достижимым лишь через апатию и отчуждение от публичной правовой сферы.

Во-вторых, апатия как форма адаптации позволяет сохранить психологические ресурсы и избежать состояния хронического стресса и выгорания. Постоянное осознание несправедливости, коррупции, неэффективности правовой системы при ощущении собственного бессилия что-либо изменить является тяжелой психологической нагрузкой. Активное неприятие, сопровождающееся постоянным эмоциональным вовлечением в борьбу часто ведет к моральному истощению, фрустрации, депрессии. Стратегия осознанного дистанцирования, признания границ своей влиятельности, позволяет человеку сфокусировать ограниченные ресурсы на тех сферах жизни, где он действительно может что-то контролировать и улучшать – семья, близкие отношения, профессиональный рост в допустимых рамках, хобби, частная жизнь. Работник, понимающий, что трудовое законодательство не защищает его от произвола начальства, может рационально выбрать не тратить годы жизни и нервы на небезосновательно представляющийся ему заведомо проигрышный суд за восстановление на работе после незаконного увольнения. Вместо этого он направляет силы на поиск новой работы в тех же несовершенных условиях, сохранив психическое здоровье и способность обеспечивать семью. Его апатия по отношению к борьбе за системные изменения – не трусость, а прагматичное сохранение жизненных сил для решения насущных задач в рамках доступных возможностей.

В-третьих, внешняя апатия и конформизм в правовой жизни могут служить защитным механизмом, позволяющим сохранить внутреннюю моральную целостность и избежать мучительного когнитивного диссонанса.

Человек, вынужденный ежедневно существовать в системе, нормы которой он внутренне отвергает, сталкивается с дилеммой – открытый бунт с высокими рисками или лицемерное принятие правил игры с потерей самоуважения. Стратегия осознанной апатии и отчуждения предлагает третий путь: человек не идентифицирует себя с системой, не оправдывает ее, но и не вступает в прямое, саморазрушительное противостояние. Он соблюдает формальные требования ровно настолько, насколько это необходимо для избегания санкций, внутренне оставаясь свободным от принятия несправедливых норм как своих собственных. Это позволяет ему сохранить относительный моральный комфорт, избегая лжи самому себе о поддержке системы, но и не подвергая себя неоправданной опасности. Люди формально состояли в правящей партии, участвовали в ритуализированных выборах или собраниях, не выражали открыто инакомыслия, но при этом дома, в кругу доверенных лиц, сохраняли критическое мышление. Их внешняя политическая и правовая апатия была платой за возможность сохранить внутренний мир и приватную сферу относительной свободы. Другой пример – сотрудник корпорации, вынужденный соблюдать внутренние правила или этические нормы, которые он считает аморальными (например, агрессивные продажи, сокрытие информации от клиентов и пр.), чтобы не потерять работу, критически важную для содержания семьи. Его внешнее конформистское корпоративное поведение сопровождается внутренним отчуждением от этих правил и, возможно, поиском работы в другом месте, но не мгновенным уходом «в никуда», что и есть сложная стратегия выживания.

Заключение

Подводя итог, следует выделить следующие ключевые положения.

Во-первых, формальное соответствие поведения действующему позитивному праву является необходимым, но недостаточным критерием адекватности правосознания и правовой культуры, поскольку само право

может носить регрессивный или социально вредный характер, отставая от объективных потребностей общественного развития.

Во-вторых, содержательным критерием оценки как качества права, так и адекватности отношения к нему, служит способность правовой системы обеспечивать устойчивое улучшение благосостояния трудящегося большинства, измеряемое через динамику реальных доходов, доступность базовых социальных благ и социальные гарантии для объективно нуждающихся.

В-третьих, стратегия правового отчуждения, выражающаяся во внешнем конформизме при внутреннем критическом неприятии несправедливых норм, представляет собой не деформацию правосознания, а рациональную адаптивную модель поведения к внешним условиям правовой жизни. Эта форма адаптивной правовой культуры, демонстрируя оценку соотношения риска и пользы, способствует сохранению физических, психологических и моральных ресурсов индивида, позволяя ему фокусироваться на достижимых целях в контролируемых сферах жизни.

Таким образом, правовое отчуждение, апатия и конформизм могут рассматриваться как проявление нормальной правовой культуры выживания в контексте глубоких противоречий между позитивным правом и естественными потребностями личности, общества, государства, а взятые в своей массовости, несмотря на квалификацию в качестве правового нигилизма в общесоциальном, государственном масштабе рассмотрения – выступать серьезным сигналом обратной связи для государства, указывающим на необходимость совершенствования правовой жизни в интересах сохранения и прогрессивного развития себя как целостности.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – Москва: Мысль, 1990. – С. 286.
2. Альбов А.П. Формирование правовой культуры современного общества на основе традиционных ценностей: персонцентризм и системоцентризм / А.П. Альбов // Legal Bulletin. – 2023. – Т. 8, № 3. – С. 8.

3. Право и закон / под общей ред. д-ра юрид. наук, проф. В.И. Червонюка. –

Москва: КолосС, 2003. URL: https://elementary_law.academic.ru/313/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C?ysclid=me6ooyr1nx998134984 (дата обращения: 25.07.2025).

References

1. Gegel G.V.F. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. Moscow: Mysl, 1990. P. 286 (in Russ.).

2. Albov A.P. Formation of the legal culture of modern society based on traditional values: personocentrism and systemocentrism. *Legal Bulletin*. 2023. Vol. 8, No. 3. P. 8 (in Russ.).

3. *Pravo i zakon = Law and order* / edited by Doctor of Law, Professor V.I. Chervonyuk. Moscow. *KolosS*

Publ., 2003. URL: https://elementary_law.academic.ru/313/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C?ysclid=me6ooyr1nx998134984 (date of access: 25.07.2025) (in Russ.).

Статья поступила 11.09.2025, принята к публикации: 03.12.2025.

© Петручак Л.А., Панченко В.Ю., 2025